

Наумов Владимир Викторович
Санкт-Петербургский государственный политехнический университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Vladimir V. Naumov
St.-Petersburg State Polytechnic University
St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: vladimir_naumov@mail.ru

И ДУША С ДУШОЮ ГОВОРIT ... **AND A SOUL TALKS TO A SOUL ...**

Аннотация

Статья является логическим и содержательным продолжением предыдущей публикации автора «Язык чувств: из жизни животных и людей». Анализируется концепт души в религиозном, философском и лингвокультурологическом аспектах. Рассматривается троичность души как единство разума, воли и чувств. Демонстрируется варьирование морально-этических постулатов в разные эпохи. Приводятся критические замечания относительно гендерного фактора в поведении человека, включая речевое поведение. Отстаивается положение об атипичности речи относительно гендерного фактора и, как следствие, невозможность нахождения речевых коррелятов гендерной принадлежности.

Abstract

The current paper is the logical and profound continuation of my previous article «The language of feelings (from animal and people lives)». The present study aims at analyzing religious, philosophical, and lingual-cultural aspects of the concept «soul». It is viewed as the trinity of mind, will and feelings. The variation of moral and ethical postulates in different epochs is demonstrated. Critical comments concerning the factor of gender in human behavior including speech behavior are made. The idea of speech being indifferent to gender and, as a consequence of that, the impossibility of finding speech correlates of gender is advocated.

Ключевые слова: душа, язык, рассудок, психика, мораль, воля, речевая рефлексия, чувства.

Keywords: soul, language, mind, psyche, morale, will, speech reflection, feelings.

1. Душа как триединая сущность

Концепт души в философии, религии и культурологии освещён достаточно полно, хотя общепринятой дефиниции этого феномена на сегодняшний день нет. Платон говорил, что душа и тело существуют отдельно друг от друга. Аристотель трактовал душу и тело как неразрывно связанное единство.

Иудаизм представляет понятие души как независимой от тела сущности, созданной непосредственно Богом. По своей природе душа непорочна; она одухотворяет тело и управляет им. Подобно тому, как Бог наполняет Вселенную, оставаясь невидимым, так и душа наполняет тело человека, будучи невидимой, неосязаемой.

В Христианстве душа – бессмертная нематериальная сущность человека, носитель разума, чувств и воли (троичность души). После смерти человека душа продолжает сознательное вне телесное существование. Её дальнейшая судьба определяется Богом на суде, имеющим два исхода: негативный (ад), другой – позитивный (рай). Следовательно, Христианство (католицизм и православие) а priori наделяют душу человека латентной склонностью к пороку, и, в зависимости от степени (не)порочности покинувшего бrenную Землю человека, отправляют его душу либо в вечно цветущий райский сад, либо в огненное чистилище, к Сатане и его рогатым подручным.

Почему же душа не способна обеспечить всем людям потенциальную возможность загробного райского существования? Какая из трёх составляющих души в большей степени ответственна за те или иные поступки человека, по которым суд Божий его оценивает и выносит соответствующий вердикт? И, наконец, какую роль в этой триаде играет язык, материализующий проявления разума, чувств¹ и воли человека?

2. Лики души: любовь и ненависть

Господь, наделивший людей разумом, позволил им выражать своё отношение к миру и себе подобным посредством чувств. Воля – это регулятивная основа проявления чувств и разума. Она есть не у всех людей. Волевой человек, как правило, сдержан и не проявляет своих чувств до поры до времени. Разум подсказывает ему, когда и кому он может показать своё расположение или неприязнь. Довольно часто, как уже отмечалось, психика индивида, имеющая рефлексивную природу, противодействует разуму и опережает его, заставляя человека следовать реактивным, надволевым посылам души.

Именно этой особенностью человеческой психики, мы обязаны проявлениям такого высшего чувства, как любовь. Не напрасно народная мудрость гласит: «Любовь зла». А зла любовь потому, что:

а) она неразборчива в определении объекта, который может оказаться впоследствии недостойным этого чувства (*Die Liebe sucht des Ihrigen nicht*);

б) любовь это одно из немногих чувств, способных дезавуировать разум и волю, лишив душу двух слоев защиты, обнажив её. Существует ещё одна, расхожая, но достаточно точная формула любви: «Если ты можешь объяснить, за что любишь эту женщину (этого мужчину), значит ты её (его) не любишь». То есть, чувство любви, таким образом, изначально не предполагает работу разума и какой-либо анализ объекта внимания, помимо его

¹ Подробнее о языке чувств см. в нашей предыдущей работе [Наумов, 2015].

внешних данных. Он (объект) принимается целиком, как полотно художника, сразу и безоговорочно. Оценка качеств объекта любви имеет место тогда, когда по каким-либо причинам он (она) начинает не соответствовать представлениям любящего (или влюблённого) человека о своём избраннике (-це). В этом случае душа «подключает» разум и волю, которые выводят отношения двух индивидуумов на такой уровень прагматики, который либо позволяет им адаптироваться друг к другу за счёт чувственной (эмоциональной) составляющей, либо стимулирует дальнейшее нарастание неудовлетворённости и разочарования, приводящее к окончательному разрыву.

Качественные характеристики антипода любви, ненависти, столь же сильного по эмоциональной энергии чувства, формируются исключительно разумом. Не бывает беспочвенной, беспричинной ненависти. За редким исключением, когда неприязнь (ненависть) имеет немотивированную основу, обусловленную внутренним состоянием субъекта, эти чувства поддаются рассудочной, волевой оценке. Значит ли это, что гнев, неприязнь, ненависть – те качества, которые всегда адекватны раздражителю (стимулу)? Отрицательный ответ очевиден и не требует особых пояснений.

Внутривидовая агрессия у животных и людей имеет две основных формы: а) открытая демонстрация физического или интеллектуального превосходства особей с высоким социальным статусом; б) латентная агрессия (исподтишка) более слабых индивидов, занимающих подчинённую позицию, но имеющих перспективу изменить своё социальное положение. Именно вторая форма порождает множество завуалированных, хитроумных комбинаций, посредством которых устраняются препятствия, и объект чувственной оценки становится достигаемым и уязвимым. В антропологии широко известен пример из жизни стада шимпанзе, в котором, имевший невысокий социальный статус, молодой самец, неожиданно занял лидирующую позицию. Он нашёл на территории, принадлежавшей семье приматов, пустую железную канистру. Размахивая ею и производя невероятный шум, молодой шимпанзе привёл всё стадо, включая доминирующего самца, в неопишувемый ужас. Выдерживая паузы, он проделывал эту операцию несколько раз, а затем его появление (уже без канистры!) стало вызывать у самок и детёнышей искомый пиетет и подобострастный трепет. Молодой самец добился своего, в нём признали лидера, носителя высокого уровня пассионарности.

Известная пословица «Сила есть, ума не надо» в данном случае не вполне корректна. Разум не является лишним и при наличии силы; он (разум) управляет силой. Когда говорят: «Он дьявольски силен (хитёр, умён и т. п.)», прежде всего, имеют в виду некую сверхспособность интеллекта (разума) и воли, позволяющую данному субъекту выходить за рамки общепринятых представлений о человеческих возможностях.

Следует, однако, заметить, что такого рода оценки далеко не всегда имеют сугубо отрицательные коннотации, хотя ни в одной из известных лингвокультур дьявол, как символ зла и носитель «чёрной» души, не является характеристиками, способными вызвать симпатию.

Тем не менее, «чёрная душа» – феномен не менее интересный и гораздо более сложный, нежели её антипод, с приятными уху и глазу определениями: чистая, светлая, открытая душа, душа нараспашку, голубиная душа. Кстати, по поводу последней в приведённом ряду разновидностей души, ассоциируемой большинством людей с бескорыстием, нежностью и прочими притягательными качествами голубя – символа мира и добра, – суровая правда жизни требует некоторых, весьма нелестных для этой птички уточнений.

В книге Нобелевского лауреата, австрийца Конрада Лоренца «Кольцо царя Соломона» описывается трагическая история, развенчивающая «ангельский» ореол голубя. К. Лоренц рассказывает, как однажды он забыл закрыть перегородку в клетке с двумя горлицами. Прошло совсем немного времени... Когда зоолог вернулся, одна из горлиц была уже мертва. На её горле зияла кровоточащая рана, а на груди поверженной птицы сидела соседка по клетке и выклёвывала ей глаза.

Потенциал зла, заключённый в «чёрной душе», несопоставим по своей реализации с формами и проявлениями добра. Людям со светлой душой и чистыми помыслами нет необходимости вуализировать свои чувства и намерения. Поэтому их вербализация достаточно однозначна, эксплицитна и прямолинейна. Количественные характеристики и вариативность языковых средств, используемых для признания в любви, например, ограничивается лексемным рядом в 3–5 слов. Выражение таких чувств, как неприязнь, зависть, ненависть и тому подобных может иметь в своём арсенале несравненно больший объём вербальных и параязыковых средств, используемых для реализации коммуникативной задачи (интенции) и создания соответствующего текста, способного привести его автора к цели. Весьма показательным примером здесь может стать басня И. А. Крылова «Ворона и лисица». Хитрая лисица получила вожделенный сыр, используя лесть, как комбинацию эксплицитных и имплицитных средств, усыпивших разум вороны: «Голубушка, как хороша!», «Ну что за шейка, что за глазки», «Какие пёрышки, какой носок, и верно ангельский быть должен голосок». Глупая ворона в устах великого баснописца стала, помимо прочего, ещё и иллюстрацией доселе незамеченного литературоведами факта. Слуховые анализаторы представительниц слабого пола выполняют доминирующую функцию и в анализе объектов внешнего мира, привлекающих их внимание, и в самооценке, формируемой аналогичными приведённым выше речевыми экзерсисами партнёров по коммуникации, желающими произвести на своего *vis a vis* впечатление. В остальном можно согласиться с одной из многочисленных трактовок этой басни, согласно которой здесь имеет место противоречие текста и морали. Мораль гласит, что льстить – это плохо, но лисица, которая себя именно так и ведёт, оказывается победительницей! Автор басни не без симпатии показывает, как игриво и остроумно ведёт себя лисица, не осуждая её поведение, а лишь подчёркивая тот факт, что в каждом возрасте и положении, человек по-разному относится к лести и льстецам. Иногда поведение «лисы» кому-то кажется идеалом, а в другой раз – некрасивым поступком. Единственное, что остаётся неизменным во всех ситуациях и возрастах – это

глупость одураченной вороны, к которой И. А. Крылов не испытывает ни малейшего сочувствия.

Причины появления симпатии и антипатии и, как следствие, чувств любви и ненависти, противоположных по содержанию, но идентичных по затратам душевной энергии, могут быть одни и те же. Раздражитель и соответствующая реакция, как правило, возбуждают чувственную природу индивида, выводят его из нейтрального психического состояния, стимулируя, в случае симпатии / антипатии выход положительных или отрицательных эмоций. Чувство (не)приязни к другому человеку обычно возникает сразу. Психика редко даёт возможность разуму и воле взять таймаут и «присмотреться», многократно протестировать объект внимания. Такая ситуация возникает только в случаях длительного и регулярного контакта сторон. Поэтому первое впечатление в большинстве случаев оказывается самым сильным, но, далеко не всегда, самым верным, а, точнее, адекватным. Многие здесь зависят и от поведения самого объекта. Оценка может быть завышенной в ту и другую сторону, если объект заметил наблюдение и приложил усилия по коррекции своих действий, дабы усилить чувство симпатии и произвести на своего партнёра максимально положительное впечатление, либо как-то нивелировать вызываемые у другого человека негативные ощущения от своей персоны.

Существенное значение в обоих случаях имеет форма проявления чувств. Тихо (молча) любить и ненавидеть значительно сложнее, поскольку на это затрачивается гораздо больше нервной энергии. Эмоциям нужен выход. Если он закрыт по тем или иным причинам, то вероятность «взрыва» более высока в случае неприязненного отношения. Вербализация негатива «очищает» человека, снимает груз с его души в не меньшей степени, чем признание в любви. Разница лишь в производимом эффекте и ответной реакции. Объект любви ограничен двумя формами ответа: «да» и «нет». Объект ненависти, как уже отмечалось, обладает большим потенциалом вербальных и невербальных средств, используемых в ответ на негативный стимул. Вероятно, именно ситуация конфликта чувств породила формулу: «Язык мой – враг мой».

3. «Язык мой – враг мой»

Речевая рефлексия, порождаемая работой неконтролируемых сознанием участков мозга, способна привести участников противостояния к непредсказуемым последствиям. Но язык не является врагом сам по себе; это функция делегируется ему чувствами (психикой), которые минимизируют контроль сознания в реализации вербальных и невербальных средств в ситуациях с повышенным эмотивным фоном.

Известное выражение Ф. И. Тютчева «Мысль изречённая есть ложь» верно лишь отчасти. Ложь – это затратная по времени, энергоёмкая мыслительная операция, требующая подбора соответствующих речевых и паразыковых коррелятов. Однако далеко не всегда участник коммуникации, имеющий намерение обмануть своего визави, способен это сделать. Рече-

вая рефлексия не даёт возможности человеку говорящему (в большей степени) и человеку пишущему (в меньшей) «спрятаться», завуалировать те характеристики своего «Я», которые представляют автора в невыгодном свете. Эгоцентризм коммуникации обнажает языковую личность. Носитель языка, как правило, задумывается над тем, что сказать, но не над тем, как это сделать. Это правило имеет исключения, но они достаточно редки. В речевой деятельности не принято отступать от имеющихся стандартов реализации языковых единиц, имеющих соответствующую шкалу социальных оценок. Перефразируя К. Гирца, можно сказать, что человек – это животное, безнадежно зависящее в упорядочении своего поведения от обстоятельств, которые определяют чувственный фон коммуникации. Чувства в речевой деятельности играют ключевую роль. Воля и мышление второстепенны; они лишь средства достижения цели.

Принципиальное значение в выборе языковых средств и способе реализации коммуникативного намерения имеет форма контакта: слуховой и визуально-слуховой. Речевое поведение с визуальной поддержкой и без таковой в нейтральном эмоциональном фоне может существенно отличаться и по форме и по содержанию. Совместная работа зрительных и слуховых анализаторов упрощает процесс выбора вербальных языковых средств ещё и потому, что довольно часто в качестве заместителей, необходимых для данной речевой ситуации языковых средств, выступают жесты и мимика.

Речевые характеристики собеседников, лишённых возможности видеть друг друга, более развёрнуты и нормативны, поскольку слуховые анализаторы обязаны обеспечить адекватное восприятие и понимание речевого материала, что, в свою очередь, требует строгого и осознанного контроля в отборе и реализации языковых структур. Следует заметить, что данная зависимость в одинаковой мере приложима к истинной и (или) ложной информации. Говорящий, как правило, заинтересован в однозначной интерпретации своего высказывания собеседником. Степень «результативности» речевого посыла здесь всецело зависит от самой личности, её умения найти оптимальное (т. е. максимально приемлемое для партнёра) соотношение плана содержания и плана выражения высказывания. В речевой деятельности не принято отступать от имеющихся стандартов реализации языковых единиц, имеющих соответствующую шкалу социальных оценок. Однако объективность и произвольность речи не мешает каждому человеку отбирать и накапливать свой индивидуальный инвентарь способов и форм речевого производства. Так формируются речевые привычки, характеризующие личность так же, как её антропологические данные. Речевые привычки формируют основу дискурса носителя языка. Именно поэтому в социолингвистике существует ещё одно их название – речевой паспорт. Сходство речевого паспорта с документом, удостоверяющим личность, практически абсолютное. Вербальные и параязыковые средства, используемые индивидом в речевой деятельности, не претерпевают принципиальных изменений в течение всей жизни, несмотря на то, что языковая личность это, все же, многослойный «пирог». Его качества – характеристика переменная, зависящая от вкусовых предпочтений гетерогенной языковой среды, в кото-

рой пребывает индивид и под которую он вынужден подстраиваться. Среднестатистический носитель языка способен использовать в своём дискурсе несколько языковых субкодов, позволяющих ему чувствовать себя «своим» в социально неоднородных группах. С одной стороны это обеспечивает индивиду коммуникативный комфорт, с другой – речевая многоликость порождает конфликт чувств и разума, уродующий душу, выхолащивающий её изначальную непорочность и чистоту.

4. Метаморфозы души

Язык в этом случае адаптируется в соответствии с изменившимися обстоятельствами и следует в указанном направлении, сообразно душевным (чувственным) метаморфозам индивида. Вряд ли можно найти в отечественной литературе лучшую иллюстрацию указанной ситуации, нежели судьба героя романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история». Сценическая версия этого произведения в театре «Современник» (режиссёр Г. Волчек, 1973 г.) с феноменальной точностью отражает всю палитру трансформации провинциального мечтателя и романтика – Александра Адуева в бездушного столичного чиновника средней руки. Чувственный коллапс взамен на социальное благополучие – это многоходовая комбинация, требующая коренной перестройки личности, изменения её формы и содержания. Внешность – милые черты лица главного персонажа в исполнении О. Табакова, постепенно приобретающие отталкивающий облик «кувшинного рыла», костюм, поза, язык в вербальной и паравербальной формах, смена круга общения и социальных приоритетов. Всё это полностью соответствует этапам личностного самоуничтожения героя, его превращения в функционера, человека дела и расчёта, мало чем отличающегося от своего наставника – дяди, Петра Адуева, выписанного автором романа с нескрываемой симпатией. Приведём ключевой диалог этих персонажей, раскрывающий механизм взаимодействия составляющих души: «По-вашему, и чувством надо управлять, как паром, заметил Александр, – то выпустить немного, то вдруг остановить, открыть клапан или закрыть... «Да, этот клапан не даром природа дала человеку. Это рассудок».

Младший Адуев принимает эту позицию, осознавая, что таково веление времени. Вечная проблема выбора между чувством и разумом определяла и определяет содержание человеческой жизни.

В другом романе «Обломов» И. А. Гончаров уже не столь явно и однозначно разделяет позицию представителя новой экономической формации – Штольца. Чувственные порывы главного героя вызывают у читателя симпатию. Ирония И. А. Гончарова к душевным порывам молодого Саши Адуева, в отношении Обломова, кажется автору романа неуместной, а напористость и деловая хватка Штольца уже не воспринимается как нечто экстраординарное. Скорее наоборот, Гончаров противопоставляет своих героев, не выказывая явного расположения к одному из них. Оба – достойные представители своих социумов, по-своему управляющие «паром». И «клапаны» у них по-разному работают.

Баланс (или дисбаланс) между рассудком и чувствами обеспечивается волей, третьей составляющей человеческой души. Дефицит воли компенсируется у Обломова чувственностью, душевностью. Ему и в рассудке не откажешь, но это рассудок человека, кредом которого является «*vita contemplativa*» (жизнь созерцательная). Жизненная позиция Штольца базируется на действии, созидании. «*Vita creativa*» без волевого начала не продуктивна. Рассудок в данном случае повинуетя воле индивида, хотя далеко не всегда волевой посыл приносит желаемый результат.

5. «Хотеть ещё не значит – мочь»

«Хотеть ещё не значит – мочь» – гласит немецкая поговорка. В жизни каждого человека бывают ситуации и поступки, которые с трудом поддаются объяснению. «Душа просит» – это, пожалуй, единственный и невнятный мотив, заставляющий совершать не только благовидные действия, но и поступки, противоречащие здравому смыслу. Душа просит, а мозг, как правило, выполняет просьбу, не квалифицируя её с позиций нравственности и морали, минуя (или подавляя) волевое начало. Ницше говорил: «Мораль заставляет отдельного человека быть функцией стада и только в качестве такового воспринимать себя как нечто значимое». Аморальный поступок всегда вызывает порицание. Поступок или действие, не выходящие за рамки морали вообще, не замечаются, поскольку они считаются нормой поведения, некими правилами бытия, установленными группой индивидов, посчитавших достойными подражания именно эти (а не другие) этические постулаты. А если это был ошибочный выбор? Кроме того, «нравственное совершенство есть дело личных усилий и личной совести отдельного человека» [Лотман, 1988]. То есть, мораль, нравственность – это категории единичного. Не бывает нравственных и безнравственных социумов, но имеют место: а) общества, в которых морально-этические постулаты являются произвольно сформировавшимися способами бытия, передаваемыми от поколения к поколению, и приобретающими статус менталитета нации; б) общества, в которых мораль насаждается государством и является идеологическим средством реализации государственной политики. В первом случае нравственные правила имеют и общечеловеческую ценность (не убий, не укради, не прелюбодействуй и т. д.) Они не подвергаются ревизии, а их несоблюдение ведёт к распаду общества. Но вот что странно: разложению и нравственной деградации социума в не меньшей мере способствуют попытки создания государством своих, особенных норм общественного бытия. Моральный кодекс строителя коммунизма, на мой взгляд, следует считать одним из наиболее циничных примеров государственного насилия над сознанием и волей нескольких поколений граждан нашей бывшей Родины. Идеологизированные постулаты кодекса, не имевшие ничего общего с действительностью, привели к формированию двойной морали всех слоев общества, государственных институтов, ответственных за внедрение этих правил поведения в общественное сознание людей.

Основой советской (и постсоветской) ментальности становится равнодушие, и безучастность не только в отношении государства, но в межличностных отношениях. Институт семьи претерпевал существенную качественную реструктуризацию и переоценку семейных отношений. Более половины браков в 70–80 г.г. прошлого столетия распались в течение первых пяти лет. Конфликт отцов и детей, как следствие безнравственного, поспешного решения вступить в брак, усугублялся и трансформировался в неприятие духовных ценностей одного поколения другим, безучастное, равнодушное отношение к близким, природе, стране.

Как квалифицировать равнодушие с позиций морали? Можно ли считать равнодушие аморальным состоянием индивида, изъяном его души? Ровная, бесконфликтная душа Обломова не дала ему счастья, но дала ему покой. Карамзин подчёркивал, что бесконфликтность присуща русскому человеку:

«Как в иных землях алчная любовь к корысти, так у нас Христианская любовь к тихой, безмолвной жизни» [Карамзин, 2002].

Да, действительно, равнодушные люди не мешают другим творить добро и зло. А неравнодушие нередко приносит беспокойство и сумятицу. Порывы души желающих Вам помочь людей, могут принести больше вреда, чем пользы. «Не делай добра, не поимеешь зла!» – народная мудрость, не лишённая здравого смысла, хотя и противоречащая советским моральным устоям. Основываясь на личном жизненном опыте, рискну видоизменить приведённую сентенцию: «Не делай добра, пока тебя об этом не попросят». Приведу бытовой пример, показывающий, что сдержанность порывов души иногда полезнее её безудержности. Лето 2014 г. на Северо-Западе выдалось жарким. В июне я ещё был занят на работе в Петербурге и приезжал на дачу, в деревню (Новгородская обл.) только на выходные. Моя соседка, которая в моё отсутствие присматривает за домом и огородом, добрая и отзывчивая женщина, проживает в деревне постоянно. Увидев, как зарос мой огород, она решила его прополоть. На одной из грядок у меня было посажено диковинное для тех мест растение (амарант), салатная культура красноватого цвета. Несложно предположить, что добродушная женщина приняла амарант за сорняк и выдернула его вместе с другой травой.

Есть и более впечатляющие свидетельства душевных и телесных страданий, вызванных «благими» намерениями и желанием прийти на помощь. Вспомним в этой связи ещё одну басню И. А. Крылова «Пустынник и медведь». Медведь, охраняя сон своего приятеля, взял булыжник и убил муху, севшую на лицо несчастного путника. Мораль басни – «Услужливый дурак опаснее врага» – обусловила появление в русской и европейской лингвокультуре фразеологизма «оказать медвежью услугу», то есть вместо желаемой пользы и добра принести вред и зло.

6. Есть ли у души пол?

Очевидно, не всё, что рождается в душе, должно выходить за её пределы и материализоваться рассудком в какие-либо действия. Воля, как сдерживающее начало, способна быть буферной зоной между чувствами и

рассудком, ограничивающей душевную креативность только осмысленными деяниями индивида. Это формальная схема взаимодействия трёх составляющих души. Но её реализация сугубо индивидуальна и ситуативна.

Определить сиюминутное состояние души человека не представляет большого труда. Предугадать динамику душевного состояния практически невозможно вследствие функционального дисбаланса в работе полушарий мозга: одно (левое) из которых управляет разумом, а второе (правое) – эмоциями и чувствами. Речевой центр (зона Брока – речепроизводство и зона Вернике – восприятие речи) локализован в левой части мозга и ответственен за приём, обработку информации и соответствующей (вербальной или невербальной) реакции, которая может быть весьма неоднозначной: от нейтральной до аффектированной. Форма и содержание реакции в значительной мере определяется психотипом личности, предпочитающим более или менее затратный уровень чувственной энергии, необходимой для её трансформации в звуковую или графическую субстанцию. Если видимый (слышимый) результат отсутствует, то и верификация чувственных проявлений часто бывает затруднена. Есть ещё один аспект, имеющий непосредственное отношение к душевным переживаниям, обусловленными гендерными различиями. Распространённое мнение о том, что женская душа тоньше, чувственнее, базируется на известной, но не общепринятой, позиции нейрофизиологов, согласно которой за поведение женщины и мужчины ответственны разные полушария головного мозга. Оппоненты гендерного фактора человеческого поведения в качестве основного аргумента приводят присущую женщинам осторожность и взвешенность в принятии решения, требующие аналитических способностей, реализуемых левой («мужской») частью мозга. Не этим ли обстоятельством объясняется тот факт, что на большинстве сборочных линий автомобильных концернов и предприятий другого профиля, предполагающих последовательную и точную работу, заняты женщины?

Столь же неоднозначно трактуются, якобы, существующие различия в речи женщин и мужчин. Лет 10–15 назад речевая гендерология считалась одной из наиболее актуальных проблем отечественной лингвистики. В головном ВУЗе (МГЛУ) выпускался ежегодный сборник, посвящённый анализу формы и содержания мужского и женского дискурса. Было опубликовано несколько монографий, посвящённых гендерным вопросам речи (см., напр., монографию А. В. Кирилиной «Гендер: лингвистические аспекты» [Кирилина, 1999]). Примечательным является тот факт, что авторами большинства работ со времён Аристотеля в этом направлении были женщины. Сейчас уже мало кто вспоминает об искомой речевой самостоятельности женского и мужского дискурса. Очевидно, что исходная идея была порочной и непродуктивной.

Внутренний механизм языка, представленный взаимодействием психики и мышления, порождает языковую систему, обладающую безграничными возможностями репрезентации рационального и иррационального в речевой деятельности человека. Однако процесс трансформации психической энергии в звуковую субстанцию регламентирован системой языка.

Язык не допускает не санкционированных системой вольностей. Индивидуальные и социальные характеристики речи – это совокупность стереотипов, определяющих характер отношений узуса и нормы и формирующих в языковом коллективе неоднородные группы, представленные носителями различных субкодов (подъязыков). Э. Сепир заметил, что «всякое человеческое поведение включает в себя одинаковые в своей основе типы ментальной деятельности – как сознательные, так и бессознательные» [Сепир, 1993], имея в виду, прежде всего, социальную природу ментальности. Гендер не имеет прямого отношения к менталитету, как социальному феномену. Основой гендерных различий является физиология, формирующая два основных психофизических типа с соответствующим набором релевантных признаков. Речь не может представлять ни один из этих типов особым образом, поскольку она (речь) атипична по определению. Именно поэтому распределять языковые роли по гендерной принадлежности и пытаться наполнять их соответствующими речевыми корелятами представляется а priori невыполнимой задачей.

Речевой портрет носителя языка многолик настолько, насколько это необходимо данному индивиду для той или иной формы социального поведения. Чувственное ощущение языка позволяет его носителю инстинктивно находить нужные речевые структуры и создавать из них высказывание, текст. Аналогичным (бессознательным) способом выстраивается и план выражения языкового знака. Звуковой материал в полном объёме находится в оперативном и повседневном распоряжении носителя языка, считающим этот процесс самоочевидным и таким же естественным, как удовлетворение других бытовых и естественных надобностей. Но пользователь языка даже представить себе не может, насколько сложна и многообразна языковая материя, сколь тонок механизм взаимодействия её элементов, какая продолжительная и, порой, драматическая история становления звукового строя предшествовала его нынешнему состоянию. Сепир очень точно определил различия в статусе носителя и не носителя языка, их отношений к звуковому строю: «Действительно, мы находимся до такой степени во власти своих фонетических навыков, что одной из самых трудных задач для человека, изучающего язык, является выявление истинной звуковой структуры чуждого для него языка» [Сепир, 1993, с 606].

Список литературы

1. Лоренц, К. Кольцо царя Соломона [Текст] / К. Лоренц. – М. : Знание, 1970. – 224 с.
2. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты [Текст] / А. В. Кирилина. – М., 1999. – 155 с.
3. Крылов, И. А. Басни [Текст] / И. А. Крылов ; вступ. ст. В. Г. Белинского. – Санкт-Петербург : Лениздат : Команда А, 2014. – 256 с.
4. Наумов, В. В. Язык чувств: из жизни животных и людей [Текст] / В. В. Наумов // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. Вып. 1. – № 2. – С. 71–84.
5. Ницше, Ф. Веселая наука [Текст] / Ф. Ницше / Пер. с нем. М. Кореновой, С. Степанова, В. Топорова. – СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 352 с.

6. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь : кн. для учителя [Текст] / Ю. М. Лотман. – М. : Просвещение, 1988. – 352 с.
7. Карамзин, Н. М. История государства Российского [Текст] / Н. М. Карамзин. – М. : Эксмо, 2002. – 1024 с.
8. Сепир, Э. Бессознательные стереотипы поведения в обществе [Текст] / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – С. 594–610.

References

1. Lorenc, K. Kol'co carja Solomona [Текст] / K. Lorenc. – М. : Znanie, 1970. – 224 s.
2. Kirilina, A. V. Gender: lingvističeskie aspekty [Текст] / A. V. Kirilina. – М., 1999. – 155 s.
3. Krylov, I. A. Basni [Текст] / I. A. Krylov ; vstup. st. V. G. Belinskogo. – Sankt-Peterburg : Lenizdat : Komanda A, 2014. – 256 s.
4. Naumov, V. V. Jazyk chuvstv: iz zhizni životnyh i ljudej [Текст] / V. V. Naumov // Teoretičeskaja i prikladnaja lingvistika. – 2015. Vyp. 1. – № 2. – S. 71–84.
5. Nicshe, F. Veselaja nauka [Текст] / F. Nicshe / Per. s nem. M. Korenevoj, S. Stepanova, V. Toporova. – SPb. : Izdatel'skij Dom «Azбуka-klassika», 2007. – 352 s.
6. Lotman, Ju. M. V shkole pojetičeskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol' : kn. dlja učitelja [Текст] / Ju. M. Lotman. – М. : Prosveshhenie, 1988. – 352 s.
7. Karamzin, N. M. Istorija gosudarstva Rossijskogo [Текст] / N. M. Karamzin. – М. : Jeksmo, 2002. – 1024 s.
8. Sepir, Je. Bessoznatel'nye stereotipy povedenija v obshhestve [Текст] / Je. Sepir // Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. – М., 1993. – S. 594–610.